

Вскоре до них донесся шум, который быстро приближался.

— Они где-то впереди...

— Вижу их!

— Вон там!

Вместе с нарастающим гулом голосов из лесу вышли полдюжины крепких деревенских мужиков. Увидев на земле двух кабанов, они так и замерли с горящими глазами.

— Ну и ну! Хао-цзы не наврал, брат Ли и впрямь завалил двух кабанов!

— Вот уж не думал...

— Брат Ли, ну ты и силен! — один из мужиков лет тридцати подошел к ним.

Заметив окровавленного Цзюньшу, он спросил:

— Чжоу-цзы, ты как, в порядке?

Е Цзюньшу выдавил улыбку:

— Всё хорошо.

— Одно-то мы с Цзычжоу завалили! Мы тоже не лыком шиты! — раздался из толпы голос Хао-цзы, требующего признания заслуг.

Правда, ему мало кто поверил. Где это видано, чтобы два пацана уложили кабана? Тут взрослым-то мужикам вчетвером страшно было бы выйти. Куда охотнее все верили, что это дело рук Ли Хуньина — в деревне все знали, на что способен этот нелюдимый охотник.

— Да ладно тебе, Хао-цзы! Ты — и кабана? Я тогда тигра одной левой пришибу! — хохотнул парень лет восемнадцати, приобнимая Хао-цзы за плечо.

— Честное слово! Не верите — у дяди Ли спросите! — Хао-цзы едва не подпрыгнул от обиды.

Ли Хуньин, заметив вопросительные взгляды односельчан, коротко кивнул. Только тогда люди поверили. Но если Ли Хуньина осыпали искренними похвалами, то на долю младших досталась лишь «критика осеннего листопада». Старшие принялись наперебой отчитывать Хао-цзы.

Е Цзюньшу, стоявший рядом с дядей Ли, счастливо избежал этой участи. Видимо, все решили, что его просто подбил на авантюру Хао-цзы. Глядя на его плачевный вид, мужики лишь сочувственно расспросили о самочувствии и оставили в покое.

Времени было в обрез, в горах не стоило задерживаться до темноты. Мужики быстро разбились на группы, вчетвером-впятером подхватили туши и с зычными криками начали спуск. Хао-цзы шел следом, готовый в любой момент подставить плечо.

Цзюньшу прижал руку к груди и хотел было последовать за ними, как вдруг почувствовал, что его схватили за шиворот. Мир перед глазами качнулся, и не успел он опомниться, как оказался на широкой и надежной спине.

Цзюньшу неловко заерзал. В душе он всё еще считал себя взрослым мужчиной, и то, что его

несут, как маленького, вызывало жгучее чувство стыда. Уши у него предательски покраснели. Однако здравый смысл взял верх: он понимал, что сам до деревни не дотянет, поэтому не стал упрямиться.

Дядя Ли шел удивительно споро — не прошло и много времени, как он нагнал основную группу и даже обошел две бригады мужиков, которые с натужным «эй-ух» тащили туши кабанов.

Е Цзюньхао припустил следом и с издевкой в голосе поинтересовался:

— Сяо Чжоу-цзы, ты что, совсем расклеился?

Е Цзюньшу, пригревшись на спине Ли, хранил молчание — говорить с этим балаболом не хотелось.

Хао-цзы хлопнул друга по затылку, сверкнув белозубой улыбкой:

— Да ладно тебе, это нормально. Где твоему хрупкому тельцу тягаться с моей статью? Не бойсь, остальное я беру на себя!

Цзюньшу сердито скрипнул зубами:

— Хао-цзы-гэ, если ты промолчишь, никто не подумает, что ты онемел.

Вечно он бьет по больному месту — хочет ли он после этого оставаться братьями?

— Ха-ха... — Хао-цзы еще немного поерничал и отстал, возвращаясь к мужикам.

Ли Хуньин на своих двоих быстро оставил остальных позади. Дойдя до подножия горы, он наконец опустил ношу на землю.

Е Цзюньшу размял затекшие ноги и неловко произнес:

— Спасибо, дядя Ли. Я тогда пойду.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но вдруг вспомнил о важном и окликнул охотника:

— Дядя Ли, можно мне сначала зайти к вам?

Он оглядел себя: одежда насквозь пропиталась кабаньей кровью. Если он заявится домой в таком виде, дети перепугаются до смерти.

Ли Хуньин ничего не ответил, просто молча свернул в сторону своего дома. Цзюньшу принял это за согласие и, преодолевая боль в каждом суставе, поковылял следом. Куда ни приложи руку — везде ныло и стреляло.

Жилище дяди Ли представляло собой обычную мазанку под соломенной крышей — такие стояли у большинства сельчан. Добротные дома из синего кирпича могли позволить себе лишь несколько зажиточных семей... Впрочем, его семья раньше тоже жила в достатке, а теперь — эх, одно расстройство.

Ли Хуньин толкнул незапертую деревянную калитку, прошел через скромный двор и зашел в дом. Е Цзюньшу замер у порога. Ему вдруг пришло в голову, что он сейчас носит глубокий траур, и заходить в чужой дом не к добру — еще навлечет беду на хозяина. Уж лучше вернуться к себе и надеяться, что братишки не слишком сильно испугаются его вида.

Он уже собрался уходить, когда Ли Хунъин вышел на порог с фарфоровым флаконом в руках.

— Чего встал? — холодно бросил он. — Решил в ледяную статую превратиться?

Цзюньшу замялся:

— Простите, дядя Ли, я сразу не подумал. Мне сейчас не стоит заходить в ваш дом, я, пожалуй, пойду к... Эй?

Не успел он закончить оправдания, как Ли Хунъин в один широкий шаг оказался рядом, сгреб его за шиворот и просто занес внутрь.

Цзюньшу лишь беспомощно дрыгнул ногами в воздухе, вцепившись руками в мощное предплечье охотника.

— Дядя Ли?

Тот, не говоря ни слова, внес его в комнату, усадил на край кровати и приказал:

— Раздевайся и под одеяло. После чего вышел.

Цзюньшу стянул с себя пропитанные грязью и кровью тряпки, остался в одних подштанниках и юркнул в постель, плотно закутавшись. Постепенно озябшее тело начало согреваться, и он наконец почувствовал себя человеком.

Вскоре Ли Хунъин вернулся с жаровней, поставил её у кровати и сказал:

— Давай осматриваю раны.

Цзюньшу кивнул:

— Спасибо за заботу, дядя Ли.

Одеяло соскользнуло до поясницы, обнажая спину юноши. На его щуплом, еще не окрепшем теле не было живого места — всё в синяках и багровых подтеках, а кое-где кожа была содрана до крови.

Лежа на животе, Цзюньшу повернул голову к охотнику:

— Дядя Ли, это ведь не очень серьезно? Мазью помажем — и всё пройдет?

Дома его ждала орава голодных малышей, и он очень боялся стать для них обузой.

Ли Хунъин нахмурился:

— Снаружи выглядит страшно, но мазь это быстро вылечит. А вот внутри тебя знатно приложило. Придется какое-то время полежать, подлечиться.

Цзюньшу и сам чувствовал, что внутри всё огнем горит, но лежать пластом он не мог.

— А нет ли способа встать на ноги побыстрее? — с надеждой спросил он.

Ли промолчал. Он откупорил флакон, налил на ладонь сероватую жидкость и резко прижал руку к спине юноши, начиная растирать. Цзюньшу еще обдумывал причину молчания

охотника, когда спину прошила такая боль, что он едва не подскочил до потолка, но тяжелая ладонь мгновенно припечатала его обратно.

Дядя Ли рассуждал просто: парень — не нежный гэр, чего с ним церемониться? Чтобы поскорее разогнать застой крови, нужно тереть на совесть. Цзюньшу едва не терял сознание от боли, слезы сами собой наворачивались на глаза. Но он, как-никак, считал себя взрослым мужиком, поэтому стиснул зубы — нельзя позориться и реветь. Он из принципа не просил Ли сбавить обороты.

Он пытался отвлечься: «Так, кабан огромный... даже если продать за полцены, выйдет приличная сумма... я подзаработаю... и тогда...»

Ох, мамочки, как же больно!! Попытка переключить внимание с треском провалилась. Цзюньшу зарылся лицом в подушку, решив просто терпеть.

Наконец, когда все нужные места были растерты, Ли Хунъин отстранился. Цзюньшу, взмокший от пота, боялся даже пошевелиться. Перед его лицом появилась коричневая пилюля.

— Проглоти, — скомандовал Ли.

Цзюньшу послушно взял её губами, пару раз разжевал и с трудом проглотил. Во рту разлилась невыносимая горечь, густой запах трав бил в нос.

«Горькое лечит», — успокоил он себя, веря в опыт охотника. Выдав лекарство, дядя Ли сразу вышел, даже не подумав дать воды запить эту горечь.

Цзюньшу в очередной раз подумал, что неудивительно, почему Ли до сих пор холост.

Он полежал немного, чувствуя, как боль потихоньку отступает, но навалилась свинцовая усталость. Веки начали тяжелеть. Он всё посматривал на дверь, надеясь попросить Ли сходить к нему домой за чистой одеждой, чтобы наконец вернуться к братьям...

Когда он проснулся, за окном уже стемнело, и лишь тусклое пламя свечи колыхалось в комнате.

Он растерянно обвел взглядом незнакомое убранство комнаты и лишь спустя добрую минуту вспомнил, что находится у дяди Ли.

Потирая ноющую голову, он сел на кровати. Холодный сквозняк коснулся обнаженного тела, и Цзюньшу, поежившись, поспешил поглубже зарыться в одеяло. Он и сам не понял, как провалился в сон, но на дворе уже стояла темень — если он сейчас же не вернется, дети наверняка места себе не найдут от беспокойства!

Эта мысль мгновенно прогнала остатки сна. Он принялся лихорадочно искать одежду и тут же заметил на столике у кровати аккуратно сложенную, до боли знакомую смену белья. Не иначе как дядя Ли успел заглянуть к нему домой. Цзюньшу не стал долго раздумывать: схватил вещи и быстро оделся.

Аккуратно сложив постель, он поспешил на выход. Во дворе царил тишина. Цзюньшу огляделся и увидел лишь свою прежнюю одежду, развешанную на просушку. Убедившись, что дяди Ли нет дома, он покинул двор.

Ночная деревня тонула в сумерках. Ветер щипал щеки, а из-за заборов доносились привычные

звуки крестьянского быта: кудахтанье кур, гогот гусей, лай собак, плач детей и приглушенные окрики взрослых. Воздух был пропитан запахом дыма и домашнего уюта.

Он быстро зашагал по сельской тропе. Зимой темнеет рано, и Цзюньшу сперва показалось, что уже глубокая ночь, но на деле не было еще и семи вечера. Должно быть, сон пошел на пользу, а может, лекарство дяди Ли оказалось столь чудодейственным, но сейчас Цзюньшу чувствовал себя куда бодрее. Та изматывающая внутренняя боль утихла, сменившись легким дискомфортом, который можно было смело игнорировать, а внешние ушибы теперь казались вполне терпимыми.

Проходя мимо деревенского тока, он заметил вдали яркие отсветы костров и услышал многоголосый людской гул. «Верно, мужики кабанов разделывают», — догадался он и свернул в ту сторону, чтобы разузнать обстановку.

<http://bllate.org/book/15226/1347385>